

УДК 94(470.6)+94(470.47)

ДОНСКИЕ КАЗАКИ-КАЛМЫКИ: ОТ КОЧЕВЬЯ К ОСЕДЛОСТИ

Валерий Александрович Дронов

Независимый исследователь, член Союза краеведов России

Ростовская область, Российская Федерация

E-mail: dronovvv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается жизнедеятельность калмыков, проживавших на территории Войска Донского в XVII–начале XX вв. Изучены процессы обособления переселившихся калмыков на донской земле, постепенного вхождения в политическое и социально-экономическое пространство Войска Донского. Отмечается значительный вклад донских калмыков в социально-экономическое развитие казачьего края, защите Российской империи от внешних посягательств. Предметом исследования является система мероприятий, проведенных руководством Войска Донского в целях перехода калмыков от кочевья к оседлости. Прослежены особенности перехода донских калмыков к оседлости в результате проводимой властями политики седентаризации, основная цель которой заключалась в изменении хозяйства, быта, социальной структуры калмыков-казаков, всемерном включении их в общую хозяйственную и культурную деятельность региона. Особое внимание уделяется изучению перемен в экономике, духовной жизни, менталитете донских калмыков. Рассматривается опыт хозяйствования и культурно-духовного взаимодействия донских калмыков с казаками, накопленного номадами за время трехвекового проживания на территории Войска Донского. Подчеркивается, что этот бесценный опыт помог донским калмыкам быстрее адаптироваться и безболезненно включиться в социально-экономические преобразования в Калмыцкой автономной области, куда они в 20-е–30-е гг. прошлого столетия были переселены правительственным решением. Делается вывод о позитивном влиянии перешедших к оседлости донских калмыков на ускоренно идущий процесс обоседления в КАО. Материалы исследования могут быть полезны студентам, аспирантам, научным работникам, преподавателям школ, учебных заведений, всем тем, кто интересуется историей донского края, донских калмыков.

Ключевые слова

Донские калмыки, хозяйство, быт, Войско Донское, казаки, землепользование, духовно-культурное взаимодействие, переход к оседлости.

UDC 94(470.6)+94(470.47)

DON COSSACKS-KALMYKS: FROM NOMADISM TO SETTLED WAY OF LIFE

Valery A. Dronov

independent researcher, member of the Union of Local Historians of Russia,
Rostov region, Russian Federation
E-mail: dronovvv@mail.ru

Annotation

The article deals with the life of the Kalmyks who lived on the territory of the Don Cossacks in the 17th–early 20th centuries. The processes of isolation of the resettled Kalmyks on the Don land, gradual entry into the political and socio-economic space of the Don Cossacks are studied. A significant contribution of the Don Kalmyks to the socio-economic development of the Cossack region, the protection of the Russian Empire from external encroachments is noted. The subject of the study is the system of measures taken by the leadership of the Don Cossacks in order to transition the Kalmyks from nomadism to settled life. The features of the transition of the Don Kalmyks to sedentary life as a result of the sedentarization policy pursued by the authorities, the main goal of which was to change the economy, life, social structure of the Kalmyk-Cossacks, their full inclusion in the general economic and cultural activities of the region, are traced. Particular attention is paid to the study of changes in the economy, spiritual life, mentality of the Don Kalmyks. The experience of management and cultural and spiritual interaction of the Don Kalmyks with the Cossacks, accumulated by the nomads during their three-century residence on the territory of the Don Cossacks, is considered. It is emphasized that this invaluable experience helped the Don Kalmyks to quickly adapt and painlessly engage in socio-economic transformations in the Kalmyk Autonomous Region, where they were resettled in the 20s and 30s of the last century by a government decision. The conclusion is made about the positive impact of the Don Kalmyks who have settled down to settled life on the accelerated process of settling in the KAO. The research materials can be useful for students, graduate students, researchers, teachers of schools, educational institutions, all those who are interested in the history of the Don region, the Don Kalmyks.

Key words

Don Kalmyks, economy, life, Don Army, Cossacks, land use, spiritual and cultural interaction, transition to settled life.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс перекочевки части калмыцкого населения на территорию Войска Донского (с 1870 г. Область войска Донского) шел с разной степенью интенсивности в течение XVII–XIX вв. К началу первой мировой войны на одной территории с донскими казаками проживала крупная этническая группа калмыков, насчитывающая более тридцати тысяч человек. В исторической литературе представители данной группы известны как «донские калмыки». Среди групп калмыцкого народа, отколовшихся в разное время от астраханских калмыков — это была самая многочисленная по численности. Однако оторванность от основной части этноса несколько не помешала калмыкам-казакам сохранить тесные отношения со своими сородичами, проживавшими в Калмыцкой степи и других местностях, — родственные, религиозные и иные связи. К чести донских калмыков, они, живя на протяжении довольно длительного времени в иноэтническом, иноконфессиональном, инокультурном окружении, смогли сберечь свою этническую, конфессиональную, культурную, духовную идентичность. К XX веку в социокультурном смысле калмыки-казаки представляли собой сплоченное единым этническим полем и духовно объединенное на основе буддизма автономное сообщество. Казачьи власти Дона ценили калмыков не только за отменные воинские качества, не раз проявленные в совместных с казаками сражениях с общими врагами, но и за их исключительное хозяйское усердие и практическое умение, проявленные в разведении «четырёх видов скота» — крупного, мелкого рогатого скота, лошадей, верблюдов. Будучи превосходными знатоками в этом деле, калмыки производили высококачественную животноводческую продукцию, особо востребованную на всероссийском рынке. Царское правительство ценило в калмыках, в частности, калмыков-казаков, за высокий профессионализм и ответственность в работе в качестве табунщиков на государственных и частных конезаводах, подготовку прекрасных и выездженных лошадей для царской армии. Разумеется, донские власти хотели использовать богатый хозяйственный опыт калмыков-казаков для развития табунного коневодства, а также животноводства. С этой целью властные структуры перевели их в категорию служивых людей, считая, что находясь на постоянном хозяйстве, они будут под неослабным присмотром и, соответственно, уделять больше внимания повседневной работе по развитию коневодства, животноводства, а также смогут приобщиться к земледельческому труду. К этому непростому для себя, переломному шагу, вчерашних кочевников подвигла также все нарастающая из года в год нехватка пастбищной земли для своего скота. Был еще ряд других социально-экономических и жизненных обстоятельств, предопределивших постепенный переход калмыков-казаков на оседлый образ жизни. Так случилось в реальности, что желание донских калмыков по разным обстоятельствам перейти на оседлость совпало с интересами центральных и местных казачьих властей, которые вели в этом направлении активную и целенаправленную работу. Так что, не будет преувеличением сказать и подчеркнуть первостепенную роль властных структур в ускорении процесса перехода к оседлости донских калмыков, занятию земледелием, о чем красноречиво свидетельствуют документы и иные источники, находящиеся в архивных учреждениях, библиотеках Москвы, Ростова, Элисты и др.

В данной статье предметом исследования является система мероприятий, проведённых руководством Войска Донского в целях перехода калмыков от кочевья к оседлости. Сделана попытка через историю калмыцких казачьих поселений на Дону и их хозяйственной деятельности проанализировать основные этапы перехода донских калмыков на оседлый образ жизни, к земледелию, а также проследить внутрорегиональные связи калмыков и казаков. Особое внимание уделяется изучению перемен в экономике, духовной жизни, менталитете донских калмыков, сопряженных с действиями местных властей по переводу номадов на оседлый образ жизни.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Основной источниковой базой для статьи стали архивные источники, материалы нормативного, правового характера, опубликованные в документальных сборниках и работах исследователей. На их основе в статье рассматривается переход донских калмыков к оседлому образу жизни с выявлением специфических особенностей данного процесса. Проблема перехода донских калмыков на оседлость рассматривается с позиций цивилизационного подхода. Методологической основой работы стали общенаучные и частнонаучные подходы. Проблемно-хронологический метод научного познания позволил описать историю калмыцких казачьих поселений на Дону в хронологической последовательности. В исследовании широко применялись анализ, осмысление и обобщение архивных источников, официальной и иной документации, диалектический принцип объективности и всесторонности и др.

ОБСУЖДЕНИЕ

История донских калмыков стала предметом специального исследования в работах российских ученых, в частности, К. П. Шовунова (1981; 1992), К. Н. Максимова (2014; 2016), Г. Е. Цапник (2006) и др. В них содержатся обширные сведения об истории взаимоотношений донских казаков с калмыками, начиная с XVII в., об административном устройстве Калмыцкого кочевья на Дону, о составе и численности проживавшего там калмыцкого населения. Естественно, немалое место в научных исследованиях уделено участию донских калмыков совместно с казаками в военных действиях, изучению их хозяйственной деятельности, быта, культуры. Исследователи, безусловно, касались в своих трудах и процесса перехода к оседлости донских калмыков. Так, например, П. Э. Алексеева и А. Э. Борманджинов в своей книге показали географию расселения, административное устройство донских калмыков (1999). История калмыцких казачьих поселений в составе российского казачества рассмотрена в книге К. П. Шовунова (1981). Ценные сведения по рассматриваемой нами проблеме имеются в трудах известного исследователя истории донского казачества К. Н. Максимова (2014, 2016). Г. Е. Цапник в своем исследовании пришла к выводу, что донская диаспора калмыков в сильной степени «испытала влияние государственной политики», в частности, в области обоседления вчерашних кочевников (2006).

В данной статье, автор, в результате историографического анализа, пришел к выводу, что процесс перехода донских калмыков на оседлый образ жизни еще в

недостаточной степени изучен в отечественной науке, хотя к настоящему времени накоплен значительный историко-этнографический материал, который, безусловно, должен быть вовлечен обществоведами в научный оборот.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 1820–1840 гг. в области Войска Донского центральной властью при активной поддержке и заинтересованности местной администрации была проведена реформа административного устройства Калмыцкого кочевья и его управления. В соответствии с «Положением об управлении Донского войска», утвержденного в 1835 г., территория Калмыцкого кочевья была преобразована в Калмыцкий округ. Донские калмыки вошли в состав населения Войска Донского, единую управляемую и служебную систему Дона, социальную структуру казачества. Калмыки-казаки стали всецело относиться к военно-служилому сословию. Они получили гарантии независимого ведения личного хозяйства, равенства с донскими казаками в отбывании службы и повинностей, им отменялась рекрутская повинность, с них не взимались казённые подати. «Положение» унифицировало управление в калмыцких улусах, которое соответствовало общей системе централизованной власти Войска Донского. Правовым порядком определился правовой статус Калмыцкого правления, и калмыцкое население стало подчиняться Войсковому правлению. Во главе Калмыцкого правления стоял назначаемый сверху пристав. В его состав входили, кроме пристава, судьи, два заседателя и два депутата. Судья и заседатели назначались из донских чиновников, а депутаты избирались из калмыков (Положение об управлении Донского Войска, 1895: 406). Калмыцкому правлению вверялось решение административных вопросов в Калмыцком кочевье. Указанным «Положением» перевод донских калмыков к оседлости принял силу государственного закона.

В феврале–апреле 1836 г. на Дону прошли выборы сотников, их помощников, судей, а также хотонных приказных, избираемых хотонными обществами. Правовые нормы, закрепляющие систему выборности служивых людей, устанавливали характер взаимоотношений между органами власти, действовавшими на Дону, являлись своеобразной гарантией устойчивости сотрудничества между властью и местными представителями, в том числе калмыцкими, в процессе дальнейших административных преобразований.

Еще раньше, начиная с 1803 г., для калмыков, как и для всех донских казаков, стали вводить воинскую дисциплину: никто не мог переходить с места на место и оставлять определённой им территории. Законодательно данный запрет был закреплён позднее Указом о прекращении самовольных отлучек калмыков в пределах Войска Донского (ГАРО. Ф. 338. Оп. 4. Д. 318). Этим документом на законодательном уровне обеспечивался процесс прикрепления донских калмыков к земле. Введенная жесткая административная мера, безусловно, стала существенным образом влиять на процесс перехода к оседлости донских калмыков.

Инкорпорирование калмыцких казачьих поселений на Дону в общевоинскую систему управления в начале и середине XIX в. закреплялось рядом других принятых на высшем уровне правовых документов, в том числе по территориям кочевья номадов. Правительство приняло Положение о поземельном устройстве в казачьих

войсках от 1869 г., утвердившее Правила о земельных довольствиях. Данным документом территории кочевий калмыков строго ограничивались. В параграфе №9 Положения было записано: «чтобы калмыки-казаки из пределов онаго уже не выходили, под опасением строгаго взыскания за всякое опустошение земель, в черту кочевья их не входящих» (Чернощёков, 1911: 63). Также было установлено, что находящиеся в распоряжение Войска некоторые участки изымались для станичных наделов. Положением часть земель выделили под калмыцкое коневодство (Чернощёков, 1911: 95). С этого времени калмыки стали заниматься пастбищным животноводством на специально отведенных участках. Уменьшение в общем территории кочевья калмыков, предназначенной для пастбища скота, сокращало возможности ведения кочевого животноводства и, следовательно, вынуждало людей переходить от кочевья к оседлости, соответственно, к занятию земледелием.

Военной реформой 1875 г. на Дону была введена всеобщая воинская повинность. В соответствии с «Уставом о военной повинности Донского войска» срок службы был определен в 20 лет и казаки, в том числе донские калмыки, с 18 до 38 лет стали считаться военнообязанными (служилыми). Под всеобщую воинскую повинность не попадали священнослужители, в том числе и калмыцкие гелюрги и сельские учителя. Военный Совет касательно их определил: «Лица, входящие в состав ламайского духовенства Области войска Донского, освобождаются от воинской службы, причём состав этого духовенства, считая по 4 гелюна, 4 гецюля, 4 манжика в каждом из имеющихся в области из 13 хурулов не должен в общей сложности превышать ста пятидесяти шести». Казаки, освобождаемые от службы, должны были вносить в Войсковую казну определённые суммы, но калмыцкое ламайское духовенство было избавлено от оплаты (Сборник, 1906: 172).

Положением Военного Совета от 1876 г. калмыцкие улусы были преобразованы в станицы (первичные единицы местного управления Донского Войска). Документом предписывалось провести межевание границ между станицами (Сборник, 1876: 229). Вследствие земельно-административной перестройки, проведенной в станицах донских калмыков, калмыцкое кочевье уже не было в том виде, каковым оно было до указанной реформы. Донские калмыки стали в массовом порядке переходить к оседлому образу жизни, главной приметой которого была постройка жилья. Сначала у калмыков-казаков стационарными постройками были землянки и полуземлянки из сырцовых или нарезанных из дёрна кирпичей, со второй половины XIX века стали распространяться строения русского типа — бревенчатые и кирпичные. Первые глиняные землянки у калмыков-казаков появились в 1830-е гг.: в Нижнем улусе 2-й сотни (Богшракинская) у казака Петрушки Зондугинова, в 3-й сотне (Ики-Бурла) у казака Менкуша Гребешова, а также у бакши Ганджинова в 1839 г. Первый же деревянный дом был построен во 2-й сотне Среднего улуса (Зюнгара). Калмыки селились в основном родственными группами, их дома, возведенные рядом, составляли один хотон. Первоначально строительство домов в поселениях калмыков проходило медленно. В 1847 г. в Верхнем улусе стало 6 оседлых хозяев. В последующем темпы строительства домов калмыками стали постепенно расти. В 1848 г. — Верхний улус, 1-я сотня — 5 домов, из них покрыто тёсом два, остальные камышом, 2-я сотня — один дом, 3-я сотня — пять построек, покрытых камышом, Верхне-Таранниковская сотня — один дом. Все дома двухконные. Кибиток оставалось ещё много — 4 848.

За 1849 г. было построено: в Среднем улусе 1-й сотни (Чоносовская) дом из соснового леса, рубленный, трёхколонный, покрытый камышом. В Верхнем улусе 1-й сотни (Цевднякинская) выстроено три дома из соснового бревна, трёхкомнатные. Средний улус 2-й сотни — пять домов, из них два покрыты тёсом, один из них принадлежал гелюнду Хадже Харькову. Средний улус 3-я сотня (Геленгякинская) — у Абина Дамбинова сосновый дом, покрытый тёсом (ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 317). Для постройки домов и устройства оседлости предоставляли государственные ссуды, а также денежную помощь в сумме 20 руб. серебром, предусматривалась бесплатная выдача леса. Применялось моральное поощрение — вручение золотых и серебряных медалей (Мининков, 2016: 93).

Распространилось правило постройки домов на общественные деньги. Первой сотней, в которой стало строиться массовое постоянное жильё таким путем, стала Рынцевова (ст. Иловайская). В 1850-е гг. здесь сооружено 23 дома, в других станицах: семь домов в Намровской, пять в Бултуковской, два в Батлаевской, по одному дому в Бембедакинской, Бурульской, Геленгякинской и Эркетинской сотнях (Земля Донского войска, 1864: 48). За 1855 г. было построено 39 деревянных домов, через 7 лет — 59, в 1862 г. зданий деревянных — 82, из сырцового кирпича — 123. В 1868 г. деревянных домов стало 89, из сырцового кирпича — 92 (ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 255. Л. 22). Начиная с 1870-х гг. основная часть донских казаков-калмыков стала жить в стационарном жильё, строительство шло за счет личных средств и на общественные деньги.

Калмыки на первых порах отрицательно относились к хлебопашеству. Причиной пассивного отношения в целом калмыков к хлебопашеству, как считали некоторые современники и чиновники, являлись «многовековые обычаи кочевья», «природная лень калмыка, его непривычка к труду». Калмыкам-казакам по примеру донских казаков необходимо было быстрее отказаться «от традиционного постоянного перемещения с места на место». При этом вовсе не учитывалось то обстоятельство, что культура номадов за много веков создала собственную, передающуюся из поколения в поколение систему ценностей. Кочевой образ жизни и скотоводческий тип хозяйственной деятельности предопределили несколько отличную от оседло-земледельческих культур иерархию ценностей, от которых нельзя отказаться в одночасье. Однако власти хотели достижения скорого результата в массовом приобщении калмыков к земледельческому труду, но дело не шло так быстро, как они желали. Тем не менее калмыки-казаки не могли не прислушаться к пожеланиям и требованиям местной казачьей власти. Некоторые из них выразили желание заниматься хлебопашеством. Большую работу по описанию выгоды земледелия проделали начальники Дистанций, смотрители от Областного правления войска Донского. На собраниях сотен они, пользуясь выкладками из Положения об устройстве быта Донских калмыков, рассказывали о преимуществах занятия земледелием.

Первые очаги земледелия у донских калмыков появились в 30-е гг. XIX в. На первоначальном этапе калмыки обрабатывали пахотную землю на имевшихся свободных землях при зимних кочевьях. В 1834 г. в Беляевской сотне было посеяно 20 четвертей пшеницы (четверть — до 200 кг), 5 четвертей ржи, 6 четвертей проса и 10 четвертей овса. Получили урожай с 1 га: пшеницы — 6, 5 четв., ржи — 6 четв., проса — 40 четв., овса — 7,5 четвертей (Максимов, 2014:17). Сначала продукция земледелия играла подсобную роль, сопутствуя главному занятию — скотоводству.

Более массово донские калмыки начали заниматься земледелием после выхода Указа Императора в 1835 г., которым калмыкам-казакам официально было разрешено производить сенокосение и хлебопашество. Решением Донского Войскового правления была назначена комиссия по выделению земель. Делянки выбирались по удобности расположения, а после подъёма целинной земли уже вторично пахали на привычных участках. Первые объёмы площадей определялись в зависимости от потребностей и от возможностей обработки. До выделения пахотной земли по казачьим паям было ещё далеко, поэтому распашки производились по праву первой занятости. Распаханные участки земли ещё не стесняли соседних хозяев. В 1836 г. стал запахивать участок казак 3-й сотни Нижнего улуса (Намровская) Менкуш Гребешов. В Верхне-Таранниковской сотне приобщили своих сограждан к новому виду деятельности сотник урядник Цеден Бороманжинов, хозяйственные казаки Якуб и Шуварин Зодьбиновы (Гучинов, 1968: 15). Так, по сведениям архивных источников «в 1840 г. калмыки убрали свой урожай и собрали зерна 1034 четвертей, т. е. свыше 2 тыс. тонн» (Максимов, 2014: 12). Калмыки-казаки, оценив первые итоги хлебоуборки, оставив зерно на корм скоту, сбыв его излишек, на себе ощутили выгоду занятия хлебопашеством, поняли, что рентабельность земледельческого труда гораздо выше скотоводческого. За первопроходцами потянулись и другие калмыки, заинтересованные в развитии своего хозяйства на основе выращивания зерновых культур. Широкое распространение стало получать сенокосение: заготовка кормов на зиму удерживала многие калмыцкие семьи от кочевой жизни.

О резком увеличении интереса к земледелию свидетельствуют данные о количестве плугов у калмыцкого населения. Если в 1846 г. в Верхнем улусе их числилось 11, то в течение года было приобретено ещё 42. Занималось земледелием 124 хозяина. Урядник Бурлаков докладывал, что калмыки значительно увеличили размеры засеянной земли, в калмыцких сотнях посеяны: яровая пшеница, ячмень, лён, картофель. Вымолоченный хлеб хранился в вырытых ямах и в кожаных мешках. Даже в конце зимы этот хлеб оставался без повреждений. Одни хлеборобы занимались обработкой земли собственными силами, другие стали приобретать инвентарь вскладчину. Количество сельскохозяйственного инвентаря у донских калмыков из года в год непрерывно увеличивалось. Заседатель Епифанов докладывал в Областное правление, что в 1847 г. по сравнению с прошлым годом увеличилось число хозяев, производивших посев зерновых, — на 54, приобретённых плугов стало больше на 32 (ГАРО. Ф.309.Оп.1. Д. 3405. Л. 82).

По предписанию Наказного атамана Войска Донского во властные органы были предоставлены сведения о количестве посеянного и собранного озимого, ярового хлеба, сколько накошено сена. В 1849 г. было 305 хозяйств, производивших посевы, обрабатывали 590 десятин земли, наибольшее количество засеяно в 3-й сотне Нижнего улуса, во 2-й сотне Среднего улуса. Урядник Карасёв докладывал, что собрано жита (рожь) 232 четверти — 49 т. в современном исчислении, пшеницы 360 — 75,6 т, ячменя 24 — 5 т, проса 96 — 20 т, картофеля 40 четвертей — 8,4 т. Только в 1853 г. донские калмыки собрали более 12 тыс. пудов озимого хлеба и более 40 — ярового. Через 10 лет было собрано 3 725 четвертей зерна (ГАРО. Ф. 309. Оп.1. Д. 3405. Л. 82).

Расширялись площади сенокосов. В 1846 г. было накошено большое количество сена — 11 215 копён. На 1 января 1861 г. заготовлено 11 604 стога сена (ГАРО. Ф.309. Д. 1629. Л. 8, 8 об., 9.11). Заготовка кормов на зиму способствовала концентрации поголовья в определённом месте, что тоже способствовало переходу донских калмыков к оседлому образу жизни.

На донской земле количество хозяйств калмыков, приобщившихся к хлебопашеству, хотя и медленными темпами, но постепенно возрастало. В крепких хозяйствах появились локомобили, молотилки, сенокосилки, стали использоваться конные разбросные сеялки. Во внедрении более прогрессивных методов земледелия, в оснащении современным инвентарем калмыкам-казакам помогало Областное правление. По его постановлению, в ст. Власовской с 1914 г. стал работать «сельский староста» П. Г. Крючков, под его опекой было агрономическое обслуживание четырёх станиц. Такой же деятельностью занялся в ст. Иловайской И. К. Власов. Должности содержались за счёт Войскового капитала (Местный агрономический персонал, 1914: 93).

Тем не менее, экстенсивное скотоводство продолжало оставаться основным видом хозяйственной деятельности казаков-калмыков. Животноводы-калмыки, как и донские казаки, постепенно переходили к товарно-денежным отношениям. Развитие товарного производства диктовало требование увеличения поголовья скота. Несмотря на эпизоотии, засухи и перебои с кормами, численность поголовья у донских калмыков, согласно архивным материалам (ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1963, 2092, 3116, 3524), постоянно увеличивалась (см. табл. №1).

Таблица №1

Наименование	Годы		
	1849 г.	1860 г.	1868 г.
Лошади	32 201 гол.	34 307 гол.	35 305 гол.
Крупный рогатый скот	33 572 гол.	48 046 гол.	49 983 гол.
Овцы	27 290 гол.	63 727 гол.	70 254 гол.

Как видим, наблюдается прогрессивная динамика увеличения поголовья скота у донских калмыков. Скотоводы научились заготавливать сено, собирать солому после уборки урожая зерновых и кормить скот в зимнее время. Вследствие появления нового вида кормов произошли изменения в структуре питания животных. По содержанию питательных качеств солома, конечно, не представляла конкуренции сену, однако при слабом травостое и недостаточной заготовке сена, этот корм был в осенне-зимний период единственным спасением для животных. В то же время, заготовка сена и соломы в летний период отнимала у калмыков-казаков много времени, из-за чего некоторые из них не успевали качественно и в срок провести обработку пашни, сев, уборку урожая. От этого страдало их хозяйство, которое зачастую хирело, и некоторые калмыки-казаки подумывали о возвращении к занятию скотоводством. Тем не менее, многие из донских калмыков продолжали

заниматься земледелием, так как оно было более выгодно в экономическом плане и способствовало укреплению их скотоводческих хозяйств, росту численности поголовья скота, которые, как видим, из вышеприведенной нами выше таблицы, имели положительную динамику.

В ситуации нелегкого выбора донскими калмыками лучшего из «двух зол», власти Дона сделали акцент на занятие ими табунным животноводством. Чиновники не понаслышке знали о том, что калмыки были потомственными коневодами, душой и сердцем привязанные к лошадям, с детства, приученные к верховой езде. О незаурядных способностях калмыков-казаков в уходе за лошадьми эмоционально и точно писал в XIX в. исследователь донского казачества В. Б. Броневский: «и в присмотре за скотом так искусны, что все Донские заводчики без Калмыцких табунщиков и пастухов обойтись не могут» (Броневский, 1834: 234). Поэтому калмыков стали охотно и часто приглашать на работу табунщиками хозяева частных конезаводов. Как пишет профессор К. Н. Максимов: «Если в 1798 г. служили табунщиками в своих сотнях 44 калмыка, то в 1819 г. работали табунщиками у донских помещиков и в станичных общественных табунах 805 калмыков-казаков: 368 служилых и 363 отставных калмыка-казака, 74 малолетка (19-ти – 20-летних)» (Максимов, 2014: 13). В 1858 г. было учреждено донское частное коневодство, под которое отвели существенную площадь — 782 658 десятин, с незначительной арендной платой государству — по 3 копейки с десятины. Также создавались необходимые условия для развития крупных калмыцких коневодческих хозяйств. Эффективно вели свое дело братья Бакбушевы, Умановы, (ст. Власовская), Давид Борманжинов (ст. Денисовская), Батыр Манжинов, Манжик Сарников, Давид Тантинов, сотник Матвей Шургунов, гелюнг Даржа Аршинов (ст. Иловайская), Танинов, Акуда и Бадьма Щевелькины (ст. Потаповская), Санжа Абушинов, Манжи Батыров, Учур Дамбо Ремилев, Тюльтинов, Шуранов, Цуглинов. У братьев Калтыкановых-Бадьминовых насчитывалось 11 участков (709 гол.), Санжа Бакбушев имел 975 гол., Бадьма Сельдинов — 631. Коннозаводчик А. И. Мунанджинов имел в аренде до 1,5 тыс. десятин земли. Экономии (имения) коннозаводчиков стали местом постоянного жительства многих казаков-калмыков и крестьян, на зимовниках Басанова проживало 19 семей, 109 человек (Алексеева, 1997: 138). Формировался новый слой хозяев из числа донских калмыков — предприимчивых, деятельных, энергичных.

Переход к оседлости оказал также существенное влияние на состояние торговли. В калмыцких станицах стали появляться торговые лавки, их в 1870-е гг. было четыре (в Нижнем улусе — две) (Область войска Донского по переписи 1873 года, 1879: 140). Кроме открытия лавок, в апреле и сентябре каждого года в крупных казачьих станицах проводились ярмарки, дававшие возможность не гонять скот на далекие расстояния, а реализовывать поголовье на месте. Ярмарки приносили доход в станичную казну. Однако, как говорится, была и обратная сторона проведения подобных ярмарок. На них вскоре стала расцветать тайная продажа спиртным, провоцировавшая пьянство, воровство, появление асоциальных элементов среди донских калмыков. Видя такую негативную ситуацию, станичный сбор ст. Грабевской постановил: «Настоящим приговором просить ходатайства г. Окружного атамана о закрытии существующих в нашей станице двух трёхдневных ярмарок»

(Тимощенко, 1908:190). В результате ярмарки стали закрываться и утрачивать свое значение. В первом десятилетии XX в. факт проведения ярмарок как рынков сбыта, во всяком случае, в самих калмыцких станицах или в близлежащих казачьих станицах, почти не фиксируется в официальных документах и иных источниках.

Тем не менее, донские калмыки продолжали продавать излишки зерна, в основном на Ильинской и Мартыновской ярмарках, возить в Ростов, в станицы Аксайская и Раздорская, обменивать на продукты питания, мануфактуру и проч. Долгое время калмыки-казаки не занимались помолом муки. Но они понимали, что для обеспечения себя таким необходимым продуктом, как мука, нужно иметь собственные мельницы и таковые стали строиться. Перепись 1873 г. показала, что в Калмыцком округе было построено новых три водяных и восемь ветряных мельниц (Область войска Донского по переписи 1873 года, 1879: 140). В последующие годы все калмыцкие станицы имели свои мельницы, в некоторых даже по несколько, производившие помол зерна и обеспечивавшие население собственной мукой. Наиболее инициативные хозяева из калмыков стали также продавать соль. Казак Борманжинов организовал вывоз соли из Манычского озера (Цаган-Манца) — с выплатой акцизной пошлины, сбывал этот дефицитный товар в соседних казачьих хуторах, как за деньги, так и в обмен на зерно.

Переход на оседлость произвёл кардинальные изменения в духовной жизни калмыцкого общества. До строительства новых хурульных комплексов оснащение хурульской кочевой кибитки было небольшим: на алтаре статуэтки Будды, жертвенные чашки, лампы, знамёна, книги. Калмыки-казаки задумались о строительстве зданий хурулов (ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 845. Л. 58). В 1848 г. общественные приговоры (решения сходов) всех 13 сотен подали прошение бакше Джембо Ганджинову с просьбой разрешить в зимних кочевьях построить новые деревянные хурулы. Наказной атаман Войска Донского утвердил это решение (ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3524. Л. 90). Взамен 13 деревянных хурулов, числившихся на 1862 г., стали строить каменные здания. После завершения их строительства в новых храмах стало возможным разместить иконы, поместить библиотеки, где хранились тибетские и ойратские раритеты, буддийские каноны. Хурульные комплексы стали центрами буддийской учёности и светского обучения населения чтению и письму. Так в Богшургакинском (Богшрахинском) хуруле издавались учебники по буддизму для калмыцких школ, была создана академия для обучения священнослужителей. В хурул для прохождения высшего курса буддийской философии приезжали учиться священники из разных уголков Российской империи, где проживали отдельные группы калмыцкого населения.

В хурулах, как обычно, проводили разного рода моления по различным случаям жизни. Но появлялись и новые формы поминовения усопших, ранее не присущие калмыцкому обществу. В Государственном архиве Ростовской области хранится «Дело о постановке в буддийских храмах поминальных досок для увековечивания памяти воинских чинов-калмыков, погибших в войну с Японией» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3652). Департамент Духовных дел Министерства внутренних дел разработал эскиз поминальной доски, текст и язык надписей. Надпись «За веру, Царя и Отечество» была произведена на калмыцком языке, а имена убитых и умерших воинов — на русском языке. Поминальные доски установили во всех хурулах

калмыцких станиц Сальского округа. Окружные власти предписали станичному начальству оказать всевозможную и посильную помощь пострадавшим на войне солдатам и их семьям.

Оседлость принесла существенные изменения в дело образования и просвещения калмыков. Начиная с 1839 г. было объявлено о сборе средств на организацию Калмыцкого приходского училища. За 7 лет калмыцким населением было пожертвовано 3 539 руб., взыскано 3 313 руб., всего собрано 6 852 руб., для тех времён — сумма значительная (ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1980. Л. 1). Для сравнения скажем: овца в то время стоила 1 руб.

В калмыцких станицах также постоянно проходил сбор пожертвований для обучения учеников в калмыцких училищах. Пожертвования производили не только калмыки-казаки, но и казахи сообщества донского населения. Так в один из таких сборов, пожертвования для обучающихся детей калмыцкой национальности сделали: «Атаман Войска Донского генерал от кавалерии М. Г. Власов — 20 руб., бакша Джимба Ганджинов — 15, директор училища полковник Золотарёв — 3, секретарь есаул Нарушенко — 5, заседатель сотник Бондарев — 3, хурулы — каждый по 3–5, все сотни округа — по 3–5 руб. Итого 156 руб.» (ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1869. Л. 9).

Собранная сумма пожертвований, как на строительство Калмыцкого приходского училища, так и на обучение учеников в калмыцких училищах, была немалой. К 1914 г. в каждой калмыцкой станице, в каждом средне-населённом хуторе, были выстроены с каменных кирпичей современные по тому времени школы, где получали образование дети калмыков-казаков.

Смена скотоводческого производства на земледельческий труд оказала благотворное влияние на переход калмыков на оседлость, на что неоднократно указывали в своих отчетах заседатели, служившие в калмыцких станицах. Как считали они, скотоводство менее трудозатратная отрасль, чем земледелие. И потому скотоводы имели больше свободного времени, порождавшее, по их мнению, «пьянство и все пороки, помрачающие доброе имя гражданина». Поскольку хлеборобы были заняты трудозатратным трудом, они, по разумению чиновников, меньше, чем скотоводы, употребляли спиртные напитки. Так один из заседателей сотник Попов видел прямую связь между занятием земледелием и улучшением морально-нравственного климата в калмыцком обществе: «Труды и заботы по хозяйству калмыки предпринимают охотно, жители в Верхней Дистанции настоящего года против прошлого 1848 г. больше оказали трудолюбия по хозяйству. Лениность, праздная жизнь их, и употребление к хмельным напиткам, теперь как заметно искореняются и появляется в них охота к трудам по домохозяйству и исправлению себя к нравственности» (Попов, 1919: 74).

Современники, опровергая устоявшееся мнение о калмыках как простаках, писали, что такие суждения неверны, отмечали их предприимчивость, сноровку в делах, сметку. Что благодаря этим деловым качествам казаков-калмыков, новое веяние — землепашество получило возможность быстро развиваться в калмыцких станицах.

Процесс перехода калмыков к оседлости затруднялся тем, что калмыцкие станицы и хутора находились в пограничном соседстве с населёнными пунктами

1-го Донского округа: крестьянских владельческих хуторов (с крепостным населением) — Троилин, Верхне и Нижне-Себряковские, а также казачьих хуторов Моисеев, Тарасов, Плетнёв, Кудинами. Стесненность в земельном довольствии, отсутствие свободного выпаса скота становились основной причиной возникавших конфликтов и споров между калмыками и казаками.

В послереформенное время в Сальский округ стали интенсивно переселяться крестьяне, которые стали создавать свои хутора, расположенные на юртовой земле казачьих калмыцких станиц и занимать их выпаса. Вследствие чего норма душевого надела служилого калмыка-казака сократилась в среднем со 100 до 43, а потом и до 35 десятин, что ограничивало возможности активного ведения скотоводства и земледелия калмыками, вызывавшее их недовольство и трения с иногородними крестьянами. В Сальском округе иногороднему населению в аренду сдавалось 140 тыс. десятин, правда, участки были не лучшего качества. За право жить на казачьей земле иногородние крестьяне облагались особым налогом — посаженной платой. Им разрешили иметь бесплатно только по одной лошади, по одной корове. За остальной «излишне содержимый» скот они платили станичной казне по повышенной расценке: лошади — по 4 руб., свиньи — 5, даже с одного гуся брали по 25 коп. Доходы от крестьянских хозяйств составляли большую часть бюджетов станиц. В ст. Ново-Алексеевской из 45,5 тыс. руб. годового дохода жители невойскового сословия платили в станичную казну налоги: за аренду земли — 30,3 тыс., за посаженную плат с иногородних — 3,5 тыс. Крестьянский двор с 4–6 десятин вносил большую сумму налогов, тогда как с семейного казачьего надела в 120–150 десятин налоги не платили. Дети иногородних допускались в школы только после приёма детей казаков, платили высокую плату за обучение. Иногородние не могли получать медицинскую помощь наравне с казаками (Золотов, 1955: 24).

К началу Первой мировой войны в калмыцких станицах образовалась опасная концентрация работников, практически не имевших земли, составлявшие 55% от общего числа жителей. Социальная обстановка в станицах, хуторах и временных поселениях была взрывоопасной. Негативная ситуация была вызвана волонтаристской, не просчитанной политикой властей, не приравнявших в свое время иногородних крестьян к казакам. Об этой политической ошибке с сожалением писал в 1920-е гг. видный деятель калмыцкой эмиграции Бадьма Уланов: «Было большой исторической политической ошибкой Донского Войска, что оно своевременно не приняло в свой состав всё Донское крестьянство» (Казачество, 1992: 253).

Тем не менее, несмотря на возникавшие коллизии и противоречия, калмыцкое общество на Дону в предвоенный период (первой мировой войны) последовательно развивалось в социально-экономическом и духовном отношении. Об этом красноречиво свидетельствует, к примеру, динамика роста калмыцкого населения на Дону, находившаяся на достаточно высоком уровне. Согласно «Сведений о народонаселении и хлебопашестве калмыков на октябрь 1847 г.» в Калмыцком кочевье было учтено 20 661 чел. (ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 174. Л. 54). В 1861 г. насчитывалось 21 458 душ калмыцкого населения (ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3116. Л. 3). По Переписи 1873 г. — 21 537 чел. (Список, 1905:607). В конце XIX в. в Области войска Донского проживало чуть меньше 30 тыс. калмыков, в 1915 г. — 32 283 чел. (Максимов, 2021:45).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До прихода на донские земли, прикочевавшие туда калмыки, вели кочевой образ жизни, занимались традиционным для них видом деятельности — пастбищным животноводством, являвшейся единственной формой хозяйства и основой их экономики. Наибольшее значение в хозяйственной деятельности донских калмыков имели отрасли, основанные на переработке продуктов скотоводства — шерсти, кожи. Только со второй половины XVIII в. небольшая часть донских калмыков стала заниматься земледелием. Они сеяли в малых размерах пшеницу, рожь, ячмень, Земледелие комбинировалось с основным занятием номадов — скотоводством. Власти были заинтересованы в широком приобщении калмыков к новому виду хозяйственной деятельности, считая, что через хлебопашество легче добиться перехода вчерашних кочевников на оседлость. Однако донские калмыки, ставшие равностатусными казаками, не сразу приняли навязываемую им властями идею оседлого образа жизни и в большинстве своем еще долгое время продолжали вести кочевой образ жизни. Однако со временем, некоторая часть донских калмыков, оценив преимущества земледельческого труда, дающего в целом неплохую прибыль по сравнению с доходами нелегкого скотоводческого труда, стала переходить на оседлый образ жизни. Их также прельщала предоставляемая им возможность получения определенного вознаграждения за работу в качестве служивых людей и освобождения от воинской повинности. Для калмыков-казаков было немаловажно, что, живя и работая оседло, они могли обучать своих детей в школах, так как в то время не было специализированных интернатов для проживания детей кочевников. Калмыки стали стремиться научить своих детей грамоте, чтобы они стали «сян кюн» — хорошими, грамотными людьми и не занимались, как они, «хар кедлмш» (букв. «черной работой»). Обучение детей в школах принесли хорошие плоды. Многие из тех донских калмыков, получивших образование в XIX–начале XX вв., впоследствии стали видными партийно-государственными, военными деятелями, внесшими значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие советской Калмыкии — в годы зарождения автономии калмыцкого народа, гражданской войны, послереволюционного восстановления экономики и возрождения культуры.

Переход калмыков от кочевья к оседлости — важный социально-экономический процесс. Он был обусловлен кризисным состоянием кочевого скотоводческого хозяйства, значительным воздействием социально-экономических процессов, происходивших в целом в Российской империи, в Области Войска Донского, но не в последнюю очередь правительственными решениями, давшими в конечном итоге положительный результат. Состоявшийся процесс перехода донских калмыков на оседлый образ жизни соответствовал как общегосударственным интересам, так и интересам калмыцких семейств. Превращение калмыцкого общества на Дону из кочевой парадигмы в оседлую конгломерацию послужило развитию Донского калмыцкого казачества. Донские калмыки со временем освоились в новой для себя социокультурной среде, став неотъемлемой частью донского казачества. Важнейшим итогом перехода калмыков-казаков на оседлость стали кардинальные перемены в

экономике, культурной жизни, социальной и духовной сфере донских калмыков — субэтнуса калмыцкого народа. В дальнейшем опыт оседлого проживания на донской земле помог калмыкам-казакам легче и менее безболезненно адаптироваться в Калмыцкой автономной области, куда они в 20-е г. прошлого столетия были переселены правительственным решением.

Благодарности

Автор благодарит В. М. Хохлова за помощь в подготовке настоящей статьи.

Литература

- Алексеева, П.Э., Борманджинов, А.Э. (1999). *Об этническом составе донских калмыков*. Элиста: АПП «Джангар».
- Алексеева, П.Э. (1997) *Станица Граббевская (XVII–декабрь 1943 г.). Исторический очерк*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Броневский, В.Б. (1834). *История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод*. Санкт-Петербург: Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг.
- ГА РО — Государственный архив Ростовской области
- Гучинов, М.И. (1968). Об отношении калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века. *Вестник института*, 3. Элиста, 43–94.
- Землеустройство казачьих войск 1802–1902 (1911)*. Сост. Чернощёков Н. А. СПб.
- Земля Донского войска. Список населённых мест по сведениям 1859 года (1864)*. СПб.
- Золотов, В. А. (1955). *Крестьянское движение на Дону в 1905–1907 гг.* Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во.
- Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества (1992)*. Сб. Ростов н/Д.
- Максимов, К.Н. (2014). Административные реформы на Дону и образование Калмыцкого округа в составе Войска Донского. *Oriental Studies*, 7(3), 12–22.
- Максимов, К. Н. (2016). *Калмыки в составе Донского казачества (XVII в. – середина XX в.)*. Ростов н/Д.: изд-во ЮНЦ РАН.
- Максимов, К.Н. (2021). Участие калмыков в Первой мировой войне. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 36, 3. 45–52.
- Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе (1914)*. Справочник Министерства земледелия на 1 января 1914 г. Петроград.
- Мининков, Н. А. (2016). *Исследователи Дона Иван Васильевич Тимоценков и Фёдор Калинич Тралин*. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.
- Область войска Донского по переписи 1873 года. (1879)*. Вып. 1, кн. 2. Новочеркасск.
- Положение об управлении Донского войска: С прил. к наказу гражд. управлению штатами и общ. прил. Ч. I, II, III. (1835)*. СПб.: Воен. Тип.
- Попов, И. И. (1919). *Донские калмыки*. Новочеркасск: Часовой.
- Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам (1906)*. 41. Санкт-Петербург.
- Сборник Правительственных распоряжений по казачьим войскам (1876)*. Санкт-Петербург.

Список населенных мест области войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской Империи, 1897 года.(1905). Ч. 1.

Тимощенко, И.В. (1908). *Экономическое обследование казачьих станиц Области войска Донского*. Новочеркасск: Области Войска Донского типография.

Тимощенко, И.В. (1908). *Труды по экономическому исследованию казачьих станиц Области войска Донского (с 1877 по 1907 гг.)*. Новочеркасск.

Цапник, Г. Е. (2006). *Становление и развитие калмыцких казачьих поселений на Дону*. Астрахань.

Шовунов, К. П. *Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVIII–XIX вв.)* (1992). Элиста: Калм. кн. изд-во.

Шовунов, К.П. (1981). *Калмыцкие казачьи поселения и их военная организация в XVIII в. Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР*. Элиста: Калм. кн. изд-во.

References

Alekseeva, P.E., Bormanjinov, A.E. (1999). *About the ethnic composition of the Don Kalmyks*. Elista: APP “Dzhangar” (in Russian).

Alekseeva, P.E. (1997) *Grabbevsкая Stanitsa (XVII-December1943). Historical essay*. Elista: Kalmyk Book Publishing House (in Russian).

Bronevsky, V.B. (1834). *History of the Don Army, description of the Don land and Caucasian mineral waters*. Saint Petersburg: Type. Expeditions of preparation of State papers.

GA RO — State Archive of the Rostov region

Guchinov, M.I. (1968). About the relations of the Kalmyks with the Don Cossacks in the second half of the XVII century. *Bulletin of the Institute*, 3. Elista, 43-94 (in Russian).

Land management of the Cossack troops 1802-1902 (1911). Comp. Chernoshchekov N. A. SPb (in Russian).

The land of the Don army. List of populated places according to the data of 1859 (1864). St. Petersburg (in Russian).

Zolotov, V. A. (1955). *The peasant movement on the Don in 1905–1907*. Rostov-on-Don: Rostov Publishing House (in Russian).

Cossacks. Thoughts of contemporaries about the past, present and future of the Cossacks (1992). Collection Rostov-on-Don (in Russian).

Local agronomic personnel who were in government and public service (1914). Directory of the Ministry of Agriculture, Petrograd (in Russian).

Maximov, K.N. (2014). Administrative reforms on the Don and the formation of the Kalmyk district as part of the Don Army. *Oriental Studies*, 7(3), 12–22 (in Russian).

Maximov, K. N. (2016). *Kalmyks as part of the Don Cossacks (XVII century–mid-XX century)*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Maximov, K.N. (2021). Participation of the Kalmyks in the First World War. *Bulletin of Dagestan State University*. Series 2: Humanities, 36, 3. 45–52 (in Russian).

Mininkov, N. A. (2016). Don researchers Ivan Vasilyevich Timoshenkov and Fyodor Kalinich Trailin. Rostov: Publishing House of the Southern Federal University (in Russian).

The region of the Don army according to the census of 1873 (1879). Issue 1, book 2. Novocherkassk (in Russian).

- Regulations on the management of the Don Army*: With adj. to the order of the citizen. management of the states and total. adj. Ch. I, II, III. (1835). St. Petersburg: Military Type (in Russian).
- Popov, I. I. (1919). *Don Kalmyks*. Novocherkassk: Sentry (in Russian).
- Collection of government orders on Cossack troops (1906). 41. St. Petersburg (in Russian).
- Collection of Government orders on Cossack troops (1876). Saint-Petersburg (in Russian).
- List of settlements of the Donskoy Army region according to the first general population census of the Russian Empire, 1897 (1905). Part 1 (in Russian).
- Timoshenkov, I.V. (1908). Economic survey of Cossack villages of the Don Army Region. Novocherkassk: Regions of the Don Army printing house (in Russian).
- Timoshenkov, I.V. (1908). Works on economic research of Cossack villages of the Don Army Region (from 1877 to 1907). Novocherkassk (in Russian).
- Tsapnik, G. E. (2006). Formation and development of Kalmyk Cossack settlements on the Don. Astrakhan (in Russian).
- Shovunov, K. P. Kalmyks as part of the Russian Cossacks (the second half of the XVIII-XIX centuries) (1992). Elista: Kalmyk Book Publishing House (in Russian).
- Shovunov, K.P. (1981). Kalmyk Cossack settlements and their military organization in the XVIII century. Research on the historical geography of the Kalmyk ASSR. Elista: Kalmyk Book Publishing House (in Russian).